

чертаны были на лице всех окружающих царя. Они на Велисария глядели как на неумолимого судию, как на некое божество страшное и грозное». ⁶⁵

В романе Мармонтеля можно подыскать и немало других текстуальных параллелей «Путешествию» Радищева. Но, может быть, эти сюжетные, композиционные и образные совпадения — чисто внешние, мнимые, не составляющие научной проблемы? Быть может, это неизбежные «общие места», просветительские литературные клише, наличие которых не позволяет сделать никаких исторических и филологических выводов? Но тогда нужно признать, что великая книга замечательного русского писателя на добрую четверть состоит из общих мест, а это допущение неправомечно и обидно для его памяти. Вообще следует помнить, что идейные и литературные штампы, ставшие таковыми от долгого использования в одной национальной литературе, каким-либо образом попав в произведение инонационального писателя, в другой национально-исторической обстановке могут наполниться свежим и глубоким общественным содержанием, получить новый смысл. Так и случилось с идеями французских, немецких и английских просветителей в творчестве Радищева. В этом смысле места, общие в «Путешествии» и «Велизарии», не являются «общими местами» — они выполняют в сочинении русского писателя важную функциональную и структурную роль.

Г. А. Гуковский справедливо указывал, что «при изучении Радищева как писателя в первую очередь приходится ставить вопрос не столько о том, что и у кого он брал, сколько о том, что он создал из тех материалов, которые он собрал». ⁶⁶ Идеи и образы «Велизария», в той или иной форме использованные в художественно-композиционной структуре «Путешествия», понадобились Радищеву для осуществления его литературно-политического замысла. Использование скрытых и переименованных цитат из Мармонтеля служит целям сатирическим, пародийно-полемиическим. Современники, по замыслу Радищева, должны были угадывать намеки, соотнося книжный текст с историческим контекстом. Радищев блестяще владеет так называемой сократовской иронией, заставляя своего героя-рассказчика высказывать будто бы очевидные просветительские истины, а затем показывая их ограниченность на фоне русской действительности. Тогда благородные и возвышенные изречения Велизария обретают значение, противоположное их буквальному смыслу: происходит пародийно-ироническое «снятие» высокой темы. Вместе с тем французский роман — не объект художественного влияния на «Путешествие». Русский писатель воспользовался «Велизарием» как одним из средств в литературной полемике с самодержавием.

⁶⁵ Там же, с. 282.

⁶⁶ Гуковский Г. Радищев как писатель, с. 161.